

Литература

1. Дурова Н. А. Год жизни в Петербурге [Электронный ресурс] URL: <http://pushkin.niv.ru/pushkin/vospominaniya/vospominaniya-107.htm/> (Дата обращения 23.06.2015).
2. Дурова Н. А. Записки кавалерист-девицы. Избранные сочинения // Надежда Андреевна Дурова / Предисл. и сост. Людмилы Алексеевны Чутковой. – М.: Сибирская Благозвонница, 2011.
3. Нешименко Г. П. Языковая ситуация в славянских странах: Опыт описания. Анализ концепций. – М.: Наука, 2003.
4. Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 10 т. – Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1977–1979. Т. 10. Письма. – 1979.

УДК 82.13

А. В. Останкович, Е. Н. Пономаренко

ПОЭМА «ГИБЕЛЬ АТЛАНТИДЫ» Г. В. ГОЛОХВАСТОВА КАК ПОЭТИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

В статье анализируется художественное единство поэмы Г. В. Голохвастова «Гибель Атлантиды», воссоздающей разветвленную мифопоэтическую систему с ориентацией на культурно-исторический контекст России начала XX в.

Ключевые слова: Андрогин, Атлантида, интерпретация, миф, мифотворчество, поэтический миф.

A. V. Ostankovich, E. N. Ponomarenko

THE POEM «DEATH OF ATLANTIS» BY G. V. GOLOKHAVSTOV AS A POETIC PHENOMENON OF RUSSIAN CIVILIZATION

The article analyzes the artistic cohesion of the poem «Death of Atlantis» by G. V. Golokhvastov, which creates a ramified mythic poetic system with a focus on cultural and historic context of Russia in the early XX century.

Key words: Androgyn, Atlantis, interpretation, myth, mythmaking, poetic myth.

Миф об Атлантиде, затонувшем острове-государстве, известный по платоновским диалогам «Тимей» и «Критий», живо интересует человечество на протяжении более чем двух тысяч лет. Судьба легендарного острова вызывает устойчивый интерес во всем мире: необозримое множество посвященных этой проблеме произведений, как художественного, так и научного характера, объясняют, интерпретируют, разворачивают античный сюжет.

В России активное литературное осмысление платоновского сказания о погибшей цивилизации атлантов происходит в начале XX века, что, вероятно, связано не только с всеобщим увлечением идеалистической философией Платона, но и с господством осо-

бого, пронизывающего эпоху мистического мироощущения, с его интересом к эзотерическим практикам, эсхатологическим пророчествам, социальным экспериментам, а также к кризисным и переломным моментам истории (в том числе, истории альтернативной): судьба легендарного острова на фоне критических изменений в российской истории казалась пророческой. Недаром Велемир Хлебников писал: «Потоп и гибель Атлантиды была или будет? Скорее я склонен был думать – будет» [7, с. 602].

Концепт Атлантиды нашел свою интерпретацию в творчестве многих мэтров Серебряного века. Он вдохновлял Вяч. И. Иванова («Атлантида»), К. А. Бальмонта («Город Золотых Ворот»), В. Хлебникова («Гибель Атланти-

ды»). Д. С. Мережковский написал знаменитый историко-философский трактат «Тайна Запада: Атлантида – Европа», а В. Я. Брюсов (помимо многочисленных лирических произведений, среди которых наибольшее значение имеет масштабный историософский веночек сонетов «Светоч мысли») – теоретическую работу «Учители учителей». В ней поэт закрепил решающую роль в формировании культур древних цивилизаций именно за атлантами: *«Та общность начал, которая лежит в основе разнообразнейших и удаленнейших друг от друга культур «ранней древности»: эгейской, египетской, вавилонской, этоурской, яфетидской, древнеиндусской, майской, а может быть также Тихоокеанской и культуры южноамериканских народов, не может быть вполне объяснена заимствованиями одних народов у других, взаимным их влиянием и подражаниями. Должно искать в основе всех древнейших культур человечества некоторое единое влияние, которое одно может правдоподобно объяснить замечательные аналогии между ними. <...> Кто же был их учителями? Кого же можем назвать ответственным именем «учители учителей»? Традиция отвечает на этот вопрос – Атлантида»* [2, с. 390].

Вероятно, эти и прочие попытки творчески осмыслить образ мифического государства Платона занимали творческое воображение негласного лидера поэтической школы русских «американцев» Георгия Владимировича Голохвастова, человека исключительной образованности, недюжинного таланта, знатока истории культуры, философии, религии, который широко применял накопленные знания в своей поэтической практике. Его главный труд – философско-эзотерическую эпическую поэму «Гибель Атлантиды» (1935 г.) – по величию и монументальности замысла современники сравнивали с «Божественной комедией» Данте Алигьери, «Освобожденным Иерусалимом» Торквато Тассо и «Потерянным раем» Джона Мильтона.

Впрочем, значимость главного труда Голохвастова для истории литературы и культуры определяется не только монументальностью лежащих в его основе образов и конфликтов, но и чрезвычайным изяществом и прихотливостью облакающей их стихотворной формы. В поэме автор не просто демонстрирует незаурядное поэтическое мастерство, но и обнаруживает склонность к различным

экспериментам, свободно варьируя в тексте нетождественные строфы, играя со стихотворными размерами сменой традиционных рифменных схем, варьированием анакруз и эпикруз. Написанные стройным регулярным логэдом (ямбоамфибрахием) повествовательные эпизоды поэмы, часто прерываются различными диалогизирующими повествование вставками: тексты древних манускриптов и эсхатологических пророчеств; описания оккультных обрядов и кровавых жертвоприношений непременно обособляются, причем, не только перебивкой ритма, но и средствами графической сегментации, что, конечно же, обеспечивает высокую стилистическую экспрессию и гарантирует значительную творческую свободу в выборе стихотворных форм для реализации масштабного творческого замысла.

Голохвастов не ограничивается поэтическим пересказом дошедшей до нас части предания Платона, а реконструирует его, предлагая новую версию исчезновения мифической утопии. Попытка установить предпосылки и причины гибели величайшей цивилизации древности объединяет в себе хрестоматийные мифологические сюжеты и образы с культурно-историческим контекстом XX в. – эпохи великих потрясений и коренных переломов. Революция, политическая нестабильность, перешедшая затем в братоубийственную гражданскую войну, завершение первой и трагическое предчувствие, обещавшей стать *«уже не взаимным истреблением народов, а самоистреблением человечества»* [4, с. 20], надо полагать, способствовали выбору Голохвастовым именно эсхатологического сюжета. Ностальгирующий по потерянной родине поэт, вероятно, был склонен видеть в мифе о погибшем государстве аллегорию прежней России, гибнувшей под натиском могущественных катаклизмов, ею самой порожденных. Сходной точки зрения придерживался и другой эмигрант – писатель, поэт, историк и религиозный философ Д. С. Мережковский, писавший, что *«первая Атлантида истреблена была внешним огнем, вулканическим: может быть, вторая – истребится огнем внутренним»* [4, с. 19].

Как известно, платоновская история Атлантиды начинается с момента разделения земель между богами олимпийского пантеона, в результате которого Атлантиду в надел

получает Посейдон. В своих владениях бог морей встречает смертную женщину Клейто, которая родила от него пять пар близнецов мужского пола. Старший из них Атлант становится первым правителем, от него же происходит наиболее почитаемый род, сохраняющий за собой власть на острове. Мудрость правящего рода вкупе с богатством, «какого никогда не было ни у одной царской династии в прошлом и едва ли будут когда-нибудь еще» [5, с. 509] помогли Атлантиде стать величайшим государством, своеобразной утопией древнего мира. При этом, жители столь процветающего острова «не пьянели от роскоши, не теряли власти над собой и здравого рассудка под воздействием богатства, но, храня трезвость ума, отчетливо видели, что и это все обязано своим возрастанием общему согласию в соединении с добродетелью» [5, с. 515]. Однако со временем божественная кровь была вытеснена примесью крови смертных – возобладавшая человеческая природа сделала невозможным прежнее благоразумное существование: жители процветающего царства погрязли в роскоши, алчности и гордыне. Видя это, Зевс «помыслил о славном роде, впадшем в столь жалкую развращенность, и решил наложить на него кару, дабы он, отрезвев от беды, научился благообразию» [5, с. 515]. Далее диалог (или, во всяком случае, дошедший до нас текст) обрывается, и дальнейшая судьба Атлантиды вплоть до ее гибели остается неизвестной.

Более чем подробное обоснование выбора именно этого мифологического сюжета приводится Голохвастовым в первой части поэмы («Чары Атлантиды»). Она представляет собой довольно пространную монологию-исповедь от первого лица некоего безымянного героя, размышляющего над «разогнутым томом трудов Платона» [3, с. 213]. Он полагает, что Атлантида вовсе не вымысел древних, а была – не случайно отзвук древних преданий о ней отчетливо проявляется во многих мифологиях мира:

*<...> Их след сохранен
У дельты Нила, в Глуши Гондураса,
Близ волн Бискайских, где жил кроманьон,
И там, над Тигром, где правил Саргон,
Где встарь к дворцу с зиггуратом терраса
Вздымала лестниц и сходов уклон;
Поднесь, как эхо, их быт окружен
Чертой неожиданной в быту папуаса,
Их мыслью в солнце Атон воплощен,*

*И в мудрость Вед, в изощренный канон,
Их дух вковал вдохновенный Виаса* [3, с. 214].

Следует отметить, что эта точка зрения является довольно распространенной в атлантологии – науке, занимающейся геолого-географическими, этническими и историко-культурными проблемами Атлантиды. Одним из главных доводов в ее защиту стали обнаруженные во многих мифологиях народов мира сказания о прибытии из-за моря богов и героев-цивилизаторов. Но все же главный вопрос, который волнует и мучает героя Голохвастова, заключается несколько в ином: как и почему великая раса, «праматерь племен», венец божьего творения и населяемая им утопия могли погибнуть: «То суд ли Божий? Природы ль закон?» [3, с. 214]. Прерванный платоновский диалог не позволяет сделать однозначного вывода:

*И вновь, и вновь я, внимательный чтец,
Вникаю в повесть, в тревожный конец,
Где, в страшный срок воздаянья мудрец
Приводит нас на совет чрезвычайный,
Когда в престольном чертоге небес,
Откуда мир открывался бескрайний,
Воззвал к богам о возмездьи Зевес.
Но прерван сказ. Обаяние тайны –
Как тишь во храме за шелком завес...
Зачем же смолк ты, сокрытых чудес
Последний в мире наследник случайный?
На чем прервал летописную нить?
Какую правду не смел возвестить* [3, с. 214]?

Мечта о познании истины становится для героя своеобразной идеей-фикс, вызванной не праздным интересом, а жизненно важной потребностью: «Хочу! Я должен, мне надо узнать!» [3, с. 215]. Герой не просто одержим древней цивилизацией атлантов, он чувствует свою духовную связь с ней, тоскует и надеется, что придет черед «для встречи новой». В ретроспективе грез перед ним проносится вся история древнего мира, и он видит возрождение чудесного острова, на котором вновь кипит жизнь. Сам проницательный читатель тоже «возрождается», обретая свой первоначальный облик и статус:

*Иду я; складки широких одежд
Шуршат, колосья в пути задевая;
А посох, крепкий как прочный костыль,
Концом уходит в глубокую пыль;
Мой лоб, повитый повязкой свободной,
Овеян солью и влажностью водной,*

*И ветер с шири лазурной воды
Колышет пряди седой бороды* [3, с. 221].

Радость в обретении настоящей родины («Не гость я здесь, а в родимом краю» [3, с. 223]) приводит к долгожданному самоопределению. Герой-читатель наконец вспоминает обстоятельства своей предыдущей жизни и причину одержимости древним сказанием Платона:

*Я вспомнил! Вспомнил! Я – жрец Атлантиды,
Верховный маг светозарного Ра* [3, с. 223].

Дальнейшее описание истории и устройства государства атлантов, представленное во второй части поэмы («Атлантида»), не отходит от версии Платона и в изящной стихотворной форме повторяет рассказ Крития. Однако это описание ограничивается всего тремя главами и уступает место художественному вымыслу поэта. К примеру, столицей Атлантиды Голохвастова становится город Ацтлан – мифическая прародина ацтеков. В этом случае значимым, но не определяющим кажется созвучие «Ацтлан – Атлант». Как указывает Мережковский: «Родина Ацтеков – *Aztlan* – «земля на великих водах», «остров». <...> Остров с горюю, окруженною concentрическими кольцами стен и каналов, подобно Акрополю в столице Атлантов у Платона, изображается и на Ацтекских рисунках Ацтлана» [4, с. 103].

Еще одной немаловажной индивидуализирующей художественную систему поэмы чертой является введение мифологемы андрогина (др.-греч. ἀνδρόγυνος: от ἀνήρ «муж, мужчина» и γυνή «женщина») – богоподобного совершенного человека, объединяющего в себе мужское и женское начало. Отметим, что миф об андрогине впервые рассказывает Аристотель в платоновском диалоге «Пир» (впрочем, его основа может иметь и более глубокие корни). Из него следует, что убежденные и уверенные в своем величии андрогини посягнули на власть олимпийских богов, за что и были наказаны Зевсом. Громовержец разделил их и осудил на мучительные поиски утраченной половины.

Интерес к концепту Атлантиды также представляется естественным в культурно-историческом и цивилизационном контексте России начала XX в. Сама мечта о рукотворном создании идеального человеческого существа перекликается не только с философией Ницше и его мечтой о сверхчеловеке,

но и с идеями евгеники, получившими тогда чрезвычайно широкое распространение: евгенические программы по «улучшению человеческих качеств» существовали в СССР, в некоторых штатах США, а также в Дании, Швеции и, наконец, в нацистской Германии, где опыты по улучшению человека окончательно себя дискредитировали.

Кроме того, идея андрогинности как идеального для человека состояния единства, духовной полноты и целостности ранее широко развивалась русской философией. В. С. Соловьев, посвятивший вопросу взаимодействия полов ряд статей под общим названием «Смысл любви», писал: «Истинный человек в полноте своей идеальной личности, очевидно, не может быть только мужчиной или только женщиной, а должен быть высшим единством обоих» [6, с. 29]. Не менее важное место проблема андрогинности занимала и в работах Н. А. Бердяева, который в своем труде «Смысл творчества» говорил о том, что «...мировая дифференциация на мужское и женское не в силах окончательно уничтожить коренную, исконную бисексуальность, андрогиничность человека, т. е. образ и подобие Божье в человеке» [1, с. 402–403]. О божественной природе андрогина размышлял и Д. С. Мережковский, утверждающий, что «тайна божественного Эроса, скрытая в древних мистериях <...> открывается нам или откроется когда-нибудь в Божественной Троице. Говоря нашим языком, всегда о Боге слабым и грубым, даже в чистейших молитвах и откровениях невольно-кошунственным, можно сказать: вечно-мужественное – в Отце, вечно-женственное – в Духе Матери («Дух», по-еврейски *Ruach* – женского рода), а сочетание этих двух начал – в Сыне: церковь, Тело Христово, – Невеста, а сам Христос – Жених; это и значит: два начала в Нем – вечно-женственное и вечно-мужественное» [4, с. 169]. Вдохновляющий мыслителей образ, удачно вписавшись в контекст легенды о затонувшем городе, стал сюжетообразующим стержнем «Гибели Атлантиды».

Завязка основного сюжета поэмы происходит тогда, когда Верховный Жрец Ацтлана, скорбящий о падении нравов своей страны и мечтающий спасти ее жителей от духовной и телесной гибели, находит манускрипт, содержащий сведения о том, что возрождение человечества возможно лишь тогда,

*Когда спаяет двоих единенье,
И двое будут одно, как в зерне,
Как в круге, слитом из двух полукружий;
Когда все станет внутри, как извне,
Одним и тем же внутри и снаружи;
Когда, ни женским, ни мужеским став,
Мужское с женским сольется бесследно
Тогда лишь Жизнь воссияет победно
И Смерть лишится насильственных прав* [3, с. 356].

Восхищенный обретенным знанием герой испытывает своеобразное прозрение: люди кажутся ему несовершенной ошибкой природы. Они несчастны, и в этом несчастье Жрец склонен винить природу пола, ставшего и источником раздора в мире и причиной мучительной жажды людей обрести утраченную половину. Возомнив себя спасителем, на которого возложена миссия по возрождению божественного начала в человеке, Жрец с помощью оккультного ритуала намеревается воссоздать наиболее близкий Творцу образ андрогина. Для осуществления своей амбициозной мечты он решает принести в жертву влюбленных друг в друга близнецов – Царевича и Царевну Атллана. Таким образом, в ткань повествования Голохвастов вплетает еще один мифологический сюжет, знакомый многим народам мира – историю о близнецах.

Отметим, что в традиционных близнецных мифах наибольшее распространение получили две основные сюжетные коллизии. Если главными героями становились однополые близнецы, то конфликт, как правило, строился на их соперничестве и противоборстве, причем один из них всегда олицетворял собой все положительные качества, а второй – являлся его тенью, трикстером, вредителем и антигероем. Вторая разновидность близнецного мифа обычно предполагает мотив вспыхнувшей между близнецами – братом и сестрой – инцестуальной любви и последующего кровосмесительного брака. Вариант именно этой разновидности мифа использует Голохвастов.

Рожденные в священную для жителей Атлантиды «ночь Геменид¹» близнецы получают избранный статус в сознании обывателей и мудрецов Атлантиды. Жрец связывает их судьбу с судьбой мира, наделяет ответ-

ственностью за его спасение. По его логике, в самом единовременном рождении Царевича и Царевны содержится указание на то, что они должны были родиться единым целым, но в силу несовершенства человеческой природы были разделены на мужскую и женскую половины:

*И общий отблеск их жизни душевной,
При сходстве внешнем, их так проникал,
Что, рядом, были царевич с царевной,
Как лик один в глубине двух зеркал,
Как парный жемчуг в искусном проборе,
Как звук созвучный двух дрогнувших струн,
Как диск луны, отразившийся в море,
Когда он блещет лучами двух лун* [5, с. 263].

Впрочем, ритуал, результатом которого должно было стать создание идеального сверхчеловека-андрогина, оканчивается неудачей, но появившийся вначале опыта призрачный образ приводит Жреца в экстатическое состояние и, возомнив себя подобным Творцу, он провозглашает:

*Именем Жизни строенье вселенское
Внове воздвигну из праха, и с ним
Смертные двое – мужское и женское –
Станут бессмертным Одним* [5, с. 456].

Обуявшая Жреца гордыня обращает на него гнев «Владыки небесных высот», что приводит к разрушительным катаклизмам, в которых гибнет Атлантида. Осознавший роковую ошибку раскаявшийся Жрец взывает к Богу с просьбой покарать его и падший Атллан, но сжалиться над остальным миром. Стихии затихают, и над землей гремит могучий голос:

*«Я был, я есмь, я вовеки пребуду,
Един Бессмертен и целостно-цел!»* [5, с. 465].

Образ андрогина в поэме Г. В. Голохвастова становится олицетворением недоступного человеку божественного единства. Слияние противоположностей, объединение мужского и женского, целостность, завершенность представляются воплощением совершенного, но потому и недостижимого сверхчеловеческого бытия.

Таким образом, художественный мир философско-эзотерической эпической поэмы «Гибель Атлантиды», ориентируясь на воссоздание мифа, в своей художественной ткани объединяет и трансформирует древние мифологические сюжеты в связи с событиями недавнего исторического прошлого России.

¹ Гемениды – светящиеся небесные тела метеорного потока или дождя, происходящего ежегодно 10–12 декабря в третьем зодиакальном созвездии Близнецов (Gemini).

Литература

1. Бердяев Н. А. Философия свободы. Смысл творчества. – М.: Правда, 1989.
2. Брюсов В. Я. Собрание сочинений в 7 т. Т. 7. Статьи о Пушкине. Статьи об армянской литературе. Учителя учителей. – М.: Художественная литература, 1975.
3. Голохвастов Г. В. Гибель Атлантиды. – М.: Водолей Publishers, 2008.
4. Мережковский Д. С. Тайна Запада: Атлантида – Европа. – М.: Русская книга, 1992.
5. Платон. Собрание сочинений в 4 т. Т. 3. – М.: Мысль, 1990.
6. Соловьев В. С. Смысл любви. – М.: Путь, 1996.
7. Хлебников В. Творения. – М.: Советский писатель, 1986.

УДК 82.13

А. В. Останкович, А. Д. Фокина

ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ КОНЦЕПТЫ «РУСЬ», «ГОСУДАРСТВО» И «ПРАВИТЕЛЬ» В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ВЫРАЖЕНИИ ОБЩЕРОССИЙСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ: СОНЕТЫ НА ИСТОРИЧЕСКИЕ СЮЖЕТЫ Г. В. ГОЛОХВASTOVA

Статья посвящена исследованию концептосферы, включающей глубинные основы российской ментальности, в сонетах русского «американца» Г.В. Голохвастова.

Ключевые слова: Голохвастов, сонет, цивилизация, идентичность, нация, концепт, Русь, правитель, государство, композиция.

A. V. Ostankovich, A. D. Fokina

CIVILIZATION CONCEPTS OF «RUSSIA», «STATE» AND «GOVERNOR» IN THE ARTISTIC EXPRESSION OF RUSSIAN NATIONAL IDENTITY: SONNETS BY G. V. GOLOKHVASTOV ON HISTORICAL SUBJECTS

The article is devoted to the sphere of concept which includes deep foundations of Russian mentality in sonnets by Russian «American» G. V. Golokhvastov.

Key words: Golokhvastov, sonnet, civilization, identity, nation, concept, Russia, governor, composition.

Цивилизационная самоидентификация – чрезвычайно важная процессуальная сфера сознания человека, которая сохраняет и деятельно поддерживает в многомерном и постоянно изменяющемся мире культурно-исторические и ментальные ценности народа. Цивилизационная идентичность – это представления о своей принадлежности к той или иной цивилизационной общности (например, к западной, православной, исламской...), те ценности и поведенческие модели, которые формируются на основании отождествления себя с определенным культурным выбором, а также с соответствующими социальными институтами и отношениями [6, с. 29].

Проблеме цивилизационной принадлежности России уже почти 300 лет. Общ-

ность территории, культурное и духовное наследие и другие, субъективные и объективные, факторы позволяют утверждать, что Россия на протяжении длительного времени сохраняет инвариантные свойства своей цивилизационной модели.

Наибольшую популярность и авторитет среди научного сообщества в определении характера национальной идентичности имеют два подхода. Первый признает Россию страной-цивилизацией, и поэтому понятие российской идентичности трактуется как идентичность цивилизационная; второй отождествляет «российскую идентичность» с идентичностью гражданской, что обусловлено противопоставлением России как государства и России как цивилизации [3, с. 82].